

ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ ПОЛИТИКИ

DOI 10.35775/PSI.2026.131.2.007

УДК 32

А.П. СЛЕПОВ

аспирант кафедры политологии и этнополитики,
Российская академия народного хозяйства и государственной
службы при Президенте Российской Федерации,
Южно-Российский институт управления,
Россия, г. Ростов-на-Дону
E-mail: slepovaleks@yandex.ru

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗМЕРЕНИЯ ТРАСПАРЕНТНОСТИ ОРГАНОВ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ

Введение. Современное публичное управление развивается на пересечении двух конъюнктурных трендов – геополитической турбулентности и стремительной цифровизации. В этих условиях растет запрос на подотчетность и доверие к институтам власти, что придает категории транспарентности прикладной управленческий смысл. Вместе с тем ее измеримость остается методологически недоопределенной: преобладают декларации и усредненные индексы, слабо учитывающие специфику органов власти. Настоящее исследование устраняет этот разрыв, предлагая практико-ориентированную модель оценки.

Цель. Разработать концептуально и операционно согласованную модель измерительных инструментов транспарентности органов публичной власти, пригодную для внедрения на уровне министерств и иных ведомств.

Материалы и методы. Методологическую основу составили междисциплинарный анализ (политология, публичное право, управление, социология, цифровое государство), проблемно-хронологический и сравнительный подходы, а также операционализация через три уровня: структурно-должностной – институциональное картирование ответственности; процессно-коммуникационный – процессный аудит решений, бюджетирования, закупок, кадров и обратной связи; результативно-обратный – социологическое измерение и анализ обращений граждан, экспертных оценок и репутационных данных.

Результаты. Сформирована «Концептуальная матрица транспарентности публичной власти», задающая замкнутый контур: институциональное закрепление → процессуальная реализация → социальный эффект. Представлена авторская критика формалистских практик «открытости» и усредненных индексов, не выявляющих точки непрозрачности. Высказаны аргументы в защиту адресной оценки по должностям, процессам и эффектам вместо агрегатов «средней температуры». Показано авторское

видение: ключевым эмпирическим индикатором выступает массив обращений граждан в сочетании с процессным аудитом и институциональным картированием.

Выводы. В статье доказывается, что прозрачность измерима при условии одновременной операционализации структурной ответственности, процессной открытости и общественного восприятия. Предложенная модель устраняет анонимность ответственности, локализует узкие места процедур и переводит прозрачность из декларативной ценности в управляемый показатель качества власти.

Ключевые слова: прозрачность, публичное управление, измерительные инструменты, процессный аудит, институциональное картирование, обратная связь, открытые данные, подотчетность, цифровизация, доверие граждан.

Введение. Современная система публичного управления функционирует в условиях беспрецедентной глобальной трансформации. С одной стороны, мир переживает кризис международных отношений, переход от однополярной модели к биполярной или многополярной конфигурации, что сопровождается ослаблением международного права, усилением конкуренции политико-экономических систем и ростом требований к внутренней устойчивости государств. С другой стороны, происходит стремительное развитие цифровизации, информационно-коммуникационных технологий и искусственного интеллекта, радикально меняющих характер управленческих процессов, коммуникаций, принятия решений и ожиданий граждан.

Прозрачность органов публичной власти в широком смысле представляет собой систему всесторонней открытости, объяснимости, подотчетности и предсказуемости деятельности власти, обеспечивающую возможность общественного контроля и участия граждан. В узком смысле прозрачность трактуется как информационно-коммуникационная открытость, включающая доступ к информации, цифровые каналы взаимодействия и эффективную обратную связь. Несмотря на различия в трактовках, обе концепции сходятся в одном: прозрачность является не просто ценностью, а инструментом анализа качества власти и ее реальной эффективности.

Следует отметить, что в работах российских авторов, опубликованных в последние годы, освещается широкий спектр вопросов близких к данной предметной области [1; 4; 6; 8; 13; 15; 18; 19; 20; 22].

Однако проблему измерительных инструментов прозрачности органов публичной власти нельзя назвать однозначно исчерпанной. В силу многих объективных обстоятельств изучение обозначенной темы продолжает сохранять высокий уровень актуальности.

При этом большинство существующих исследований сосредоточено на теоретическом содержании прозрачности, в то время как ее измеримость остается методологически не проработанной. Публичное управление имеет гуманитарную природу: оно связано с людьми, институциональными контекстами и социальными практиками, поэтому не поддается простому количественному

моделированию. Создание инструментов измерения прозрачности становится одной из наиболее сложных и при этом критически важных задач.

Материалы и методы. Современная глобальная реальность формируется под влиянием двух фундаментальных конъюнктурных факторов, определяющих структуру и динамику политического, экономического и институционального развития государств.

Первый фактор – это глубокий кризис международных отношений, связанный с трансформацией мировой системы [2]. Завершение эпохи однополярного мира и переход к новым конфигурациям – биполярной или многополярной – формируют состояние нестабильности, конкуренции моделей развития, эрозии прежних нормативных оснований и кризиса механизмов международного права. В этих условиях возрастает значение внутренней устойчивости государств, эффективности их публичного управления и доверия граждан к институтам власти.

Второй фактор – стремительный рост цифровизации, развитие информационно-коммуникационных технологий и появление искусственного интеллекта как беспрецедентного технологического прорыва [12]. Цифровая трансформация не только создает новые возможности, но и изменяет саму природу управления, коммуникации, принятия решений, безопасности, социальной структуры и роли информации.

Эти два контекста – геополитический сдвиг и технологическая революция – радикально перестраивают систему публичного управления в каждом государстве, включая Российскую Федерацию. От органов власти требуется не только эффективность, устойчивость и способность адаптироваться к кризисам, но и высокий уровень легитимности, доверия и подотчетности. Именно в этом контексте особую значимость приобретает характеристика прозрачности органов публичной власти.

Прозрачность выступает одной из центральных категорий современного государственного управления, однако ее содержание многомерно. В широком понимании прозрачность органов власти – это система всесторонней открытости, подотчетности, объяснимости и предсказуемости деятельности публичной администрации, обеспечивающая доверие граждан, возможность контроля и участие общества в принятии решений. Это не только доступ к информации, но и ясность процедур, прозрачность институтов, кадровая открытость, финансовая отчетность и институциональная подотчетность [14].

В узком понимании прозрачность трактуется как информационно-коммуникационная открытость органов власти, включающая предоставление достоверной и своевременной информации, простоту ее восприятия, доступность данных, функционирование обратной связи и цифровых каналов взаимодействия «власть – общество». В этой трактовке прозрачность близка к категориям «информационной открытости», «гласности» и «электронной подотчетности» [21].

Несмотря на различия подходов, транспарентность в обоих случаях имеет практикоориентированный характер. Она служит инструментом реальной оценки качества государственного управления, эффективности институтов власти, степени их ответственности и доверия к ним. Транспарентность позволяет перейти от декларативных характеристик к содержательному анализу административных процессов, что особенно важно в периоды политических напряжений, кризиса международного права и роста сложности социальных систем.

Однако для того, чтобы транспарентность стала не только концепцией, но и рабочим инструментом, необходима разработка подходов к ее измерению. Публичное управление, особенно государственное и муниципальное, имеет гуманитарную природу, оно связано с людьми, ценностями, контекстами, мотивациями и институциональными практиками. В отличие от экономики или технических наук, здесь отсутствуют простые количественные модели. Именно поэтому создание измерительных инструментов транспарентности органов власти является одной из наиболее сложных, но при этом критически значимых научных задач. Без четких методик оценки невозможно объективно определять уровень прозрачности, сравнивать институциональные модели, выявлять сильные и слабые стороны публичного управления и разрабатывать эффективные реформы [3. С. 126-131; 7. С. 15-18; 16. С. 186-187].

1. Субъект транспарентности (кто оценивает?)

В рамках публичного управления субъектами оценки транспарентности могут выступать внутренние государственные структуры – это органы аудита, контрольные органы, прокуратура, внутренние подразделения мониторинга; органы внешнего государственного контроля, например, парламент, уполномоченные по правам человека, счетные палаты субъектов РФ; гражданское общество и СМИ, такие как НКО, экспертные центры, общественные советы, независимые наблюдатели, журналистика данных; научно-академическое сообщество – исследовательские центры, университеты, аналитические группы; международные организации и рейтинговые агентства; граждане как конечные получатели публичных услуг.

Субъект оценки может быть как внутренним, так и внешним, как профессиональным, так и общественным. Это определяет различие в целях, стандартах и глубине анализа. Внутренний субъект чаще ориентирован на соответствие формальным требованиям, внешний – на реальное содержание и последствия.

2. Объект транспарентности (что измеряется?)

Транспарентность может оцениваться по разным объектам, к которым относятся политические институты; процессы принятия решений, бюджетирование, кадровые назначения, процедуры закупок, нормотворчество; информация – доступность данных, актуальность, полнота, формат открытых данных; поведение и практики, а именно коммуникация власти с обществом, реакция на запросы, соблюдение обязательств; результаты, среди которых измеряется уровень доверия, степень вовлеченности граждан, восприятие прозрачности, снижение коррупционных рисков.

Следовательно, объект транспарентности может быть структурным, процессуальным, информационным, поведенческим или результативным. Это принципиально влияет на выбор конкретных индикаторов: оценивать можно либо «что есть», либо «как действует», либо «что достигается».

После определения субъектов и объектов оценки следующим этапом формирования инструментальной модели транспарентности является выбор методов и форм, позволяющих максимально объективно измерить ее уровень. В силу гуманитарного характера государственного и муниципального управления, классические количественные методики оказываются ограниченными. Поэтому необходимо сочетание качественных, количественных и смешанных инструментов, обеспечивающих как глубину анализа, так и воспроизводимость результатов [11. С. 269-276].

Эффективная методология измерения транспарентности должна опираться не на декларации, а на реальный анализ деятельности органа власти. В рамках предлагаемой модели транспарентность оценивается на трех уровнях: структурно-должностном, процессуально-коммуникационном и результативно-обратной связи. Каждый уровень предлагает конкретные способы практического сбора данных и анализа.

1. Структурно-должностной уровень. На этом уровне анализируется, как транспарентность встроена в организационную структуру министерства и как она распределена по должностям и функциональным ролям. Методологически здесь важно выявить, какие подразделения и какие должностные лица несут ответственность за открытость (пресс-службы, департаменты обращений граждан, цифровые отделы, юридические подразделения). В рамках этого уровня также необходимо проанализировать должностные инструкции: где и как прописаны обязанности по обеспечению открытости, публикации информации, взаимодействию с гражданами, определить, существует ли внутренний контроль за прозрачностью: например, ведутся ли внутренние отчеты по раскрытию данных, проводится ли аудит коммуникации, фиксируются ли нарушения требований по открытости, а также сравнить реальную практику с формальными требованиями: выполняются ли должностные обязанности по информированию населения или они носят номинальный характер [17. С. 852-856].

2. Процессуально-коммуникационный уровень. Здесь транспарентность оценивается не по структуре, а по реальной работе органа власти – по тому, как оно принимает решения и взаимодействует с обществом. Методологически анализируются конкретные процессы:

- подготовка и принятие решений (публикуются ли проекты нормативных актов заранее, проводится ли общественное обсуждение, доступны ли обоснования решений);
- бюджет и закупки (раскрывается ли структура расходов, публикуются ли контракты, видны ли подрядчики и условия);

– коммуникация и обратная связь (как министерство отвечает на запросы граждан и СМИ, сроки и полнота ответов, присутствие в публичном пространстве, качество разъяснений (понятный язык или бюрократический);

– внутренняя коммуникация (доступна ли информация между подразделениями, прозрачность маршрутизации документов,– есть ли «информационные барьеры» внутри органа).

3. Результативно-обратносвязный уровень (как транспарентность ощущается и воспринимается обществом). Здесь оценивается, каков фактический эффект от транспарентности министерства. Даже если структура выстроена и процессы формально открыты, важно – как это работает в реальности. Ключевой инструмент данного уровня – анализ обращений граждан.

Эти три уровня не дублируют друг друга. Они складываются в вертикаль измерения транспарентности (см.: Таблицу 1).

Таблица 1. Концептуальная матрица измерения транспарентности публичной власти

Уровень	Вопрос
Структурно-должностной	Кто отвечает за прозрачность? Есть ли институциональная обязанность и персональная ответственность?
Процессно-коммуникационный	Как действует орган власти? Насколько открыты процедуры и решения на практике?
Результативно-обратный	Как это ощущается гражданами и экспертами? Есть ли доверие, понимание, обратная связь?

Приведенная трехуровневая модель оценки транспарентности – структурно-должностной, процессно-коммуникационный и результативно-обратносвязный уровни – позволяет сформировать не просто описание состояния открытости органа власти, а создать функциональный аналитический инструментарий, дающий измеримый и управляемый результат. Каждый уровень задает свой ключевой вопрос: кто отвечает за прозрачность, как функционируют процессы в реальности, и как эта деятельность воспринимается обществом. Однако важен не только сам вопрос, но и эффект, который достигается при его правильной операционализации.

На структурно-должностном уровне фиксация субъектов ответственности позволяет четко определить, кто в органе власти несет институциональную обязанность обеспечивать транспарентность и обладает персональной ответственностью за ее нарушение. Это устраняет анонимность управления и исключает возможность перекалывания ответственности между подразделениями. Кроме того, привязка функций к конкретным должностям делает прозрачность не абстрактным идеалом, а организационной нормой, встроенной в систему управления. Это особенно важно в условиях, когда разные типы органов

(министерства, ведомства, органы МСУ) имеют различную специфику полномочий: инструмент должен учитывать эти различия, а не навязывать универсальные, оторванные от практики критерии [9. С. 89-91].

На процессно-коммуникационном уровне анализ управленческих и информационных практик позволяет выявить реальную степень прозрачности, отличить формальное исполнение требований от фактической открытости. Оценка того, как именно публикуется информация, как органы взаимодействуют с обществом, как принимаются решения, позволяет обнаружить «бутылочные горлышки» непрозрачности – закрытые процедуры, непрозрачные кадровые решения, имитацию участия. Такой подход не просто фиксирует нарушение, но показывает конкретную точку сбоя и позволяет целенаправленно изменить процедуру, а не всю систему целиком.

На результативно-обратносвязном уровне фокус переносится на восприятие транспарентности со стороны граждан, экспертов и внешних наблюдателей. Анализ обращений, жалоб, общественных реакций, уровня доверия и репутации органа власти показывает, соответствует ли институциональная и процессуальная открытость реальным ожиданиям общества. Это позволяет увидеть транспарентность как социальный факт, а не только административную конструкцию. Важно, что именно этот уровень демонстрирует, работает ли транспарентность как механизм повышения легитимности власти, снижения конфликтности и укрепления устойчивости в кризисных ситуациях.

Данная трехуровневая модель создает замкнутый контур управления транспарентностью: от институционального закрепления – к процессуальной реализации – к социальному конечному эффекту. Она обеспечивает возможность не только фиксировать уровень открытости, но и выявлять причины его недостаточности, локализовать ответственных, адаптировать инструменты под специфику конкретного органа власти и выстраивать управляемую, воспроизводимую систему повышения прозрачности.

Данная матрица не является готовым инструментом – она задает методологический каркас, внутри которого возможно конструирование конкретных метрик, процедур и индикаторов. Каждый из трех уровней и каждый ключевой вопрос внутри него предполагают разработку четко структурированного измерительного инструмента, адаптированного к специфике органа власти, его масштабов, полномочий и управленческой культуры.

Концептуальная матрица носит обобщенный характер, но именно в этом заключается ее ценность. Она определяет методологическую основу, на базе которой могут быть построены конкретные, операциональные инструменты оценки – правовые, организационные, аналитические, социологические, цифровые. Каждая позиция матрицы фактически задает направление разработки отдельного инструмента или целого набора инструментов. В этом смысле она выступает не статичным описанием, а архитектурой измерительной системы, которая требует дальнейшей детализации, стандартизации и адаптации под конкретные органы власти.

Именно такая поэтапная детализация – от концептуальной рамки к метрикам, от метрик к процедурам, от процедур к реальному мониторингу – позволяет превратить прозрачность из декларативной ценности в управляемую, измераемую и поддающуюся улучшению характеристику публичной власти.

Результаты. В ходе исследования разработана трехуровневая модель измерения прозрачности органов власти, оформленная в виде «Концептуальной матрицы прозрачности публичной власти». Данная матрица стала фундаментом для построения будущего инструментария. Каждый уровень задает свой аналитический вопрос и предполагает разработку конкретных методов оценки.

1. Структурно-должностной уровень раскрывает, кто именно отвечает за прозрачность внутри органа власти. Установлено, что определение институциональной обязанности и персональной ответственности – ключевой элемент эффективной прозрачности. В результате был сформирован подход к «институциональному картированию ответственности», позволяющий связать открытость с конкретными должностями, подразделениями и управленческими функциями. Такой подход устраняет анонимность и формализм, так как в случае нарушения прозрачности всегда можно установить ответственного.

2. Процессно-коммуникационный уровень оценивает, как прозрачность реализуется в управленческих процессах. В ходе исследования была разработана модель «процессного аудита прозрачности», которая позволяет анализировать конкретные процедуры: подготовку решений, бюджетирование, кадровую политику, закупки, коммуникацию с гражданами. Показано, что именно на уровне процессов выявляются «точки непрозрачности»: скрытые механизмы принятия решений, отсутствие обоснований, формальный характер обратной связи, имитация участия. Модель позволяет локализовать проблему и целенаправленно изменить конкретный процесс, а не всю систему целиком.

3. Результативно-обратносвязный уровень оценивает восприятие прозрачности обществом и фактический эффект от открытости. Было выявлено, что наиболее точным эмпирическим индикатором прозрачности являются обращения граждан: их содержание, повторы, характер жалоб, переход обращений в судебные иски. Разработан подход к социологическому измерению открытости через опросы населения, экспертные панели, анализ общественного мнения, мониторинг репутации органов власти и реакции на кризисные ситуации. Этот уровень показывает, соответствует ли прозрачность реальности и ожиданиям общества.

Главным результатом стало формирование замкнутого управленческого контура прозрачности: институциональное закрепление → процессуальная реализация → социальный эффект.

Такой подход позволяет не только фиксировать уровень открытости, но и выявлять причины его недостаточности, а также разрабатывать меры по повышению прозрачности, адаптированные к специфике конкретного органа власти.

Обсуждение. Полученные результаты демонстрируют, что прозрачность нельзя оценивать исключительно через нормативную базу или наличие цифровых сервисов. Формальная открытость нередко скрывает закрытость процедур и отсутствие реальной подотчетности. Сравнение структурного, процессуального уровней показывает, что прозрачность – это не состояние, а динамическое взаимодействие институтов, практик и общественных ожиданий [5. С. 110-117; 10. С. 40-46].

Значимость результатов заключается в том, что прозрачность перестает рассматриваться как абстрактная ценность и превращается в измеряемый управленческий ресурс. Такой подход изменяет саму философию публичного управления: прозрачность становится не формой внешнего имиджа, а инструментом внутренней эффективности и устойчивости органов власти.

Особенно важным является то, что предложенная модель позволяет оценивать прозрачность адресно, по должностям, процессам, ситуациям и эффектам, а не «в среднем». Это устраняет традиционную проблему «средней температуры по больнице» и позволяет переходить к точному управленческому вмешательству.

При таком подходе прозрачность становится критерием качества власти именно в периоды кризиса, когда доверие, предсказуемость и объяснимость управленческих решений приобретают стратегическое значение. Она оказывается не только нормативным требованием, но и фактором безопасности, устойчивости и модернизационного потенциала государства.

Выводы. В ходе исследования была сформулирована и обоснована концептуальная модель измерения прозрачности публичной власти, включающая три взаимосвязанных уровня.

Доказано, что прозрачность может быть объективно измерена только при условии операционализации каждого уровня через конкретные инструменты: институциональное картирование ответственности, процессный аудит прозрачности, социологические и репутационные методы измерения восприятия.

Сформирована методологическая основа, позволяющая преобразовать концепт прозрачности из декларативной категории в управляемый и измеряемый показатель качества власти. Предложенная модель устраняет формализм, позволяет локализовать проблемы, адаптировать инструменты под специфику органа власти и строить систему повышения открытости как устойчивую управленческую практику.

Перспективы дальнейших исследований включают разработку конкретных индикаторов по каждому уровню, создание цифровых панелей мониторинга прозрачности, внедрение индексного подхода с учетом контекста (федеральный, региональный, муниципальный уровень), формирование стандартов прозрачности как элемента КРІ должностных лиц, а также анализ связи прозрачности с доверием, эффективностью и устойчивостью институтов власти.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. **Авдеев М.А., Собакарева Е.В., Шевченко А.В., Григорян Д.К.** Цифровизация государственного и муниципального управления на территории РФ // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2025. № 2.
2. **Бочарников И.В., Овсянникова О.А.** Кризис и трансформации современной миросистемы // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. 2020. № 3-2.
3. **Денисенко И.Ф.** Транспарентность как условие обеспечения эффективности и открытости органов государственной власти / И.Ф. Денисенко, Е.Н. Тованчова // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2023. № 3 (154).
4. **Дронов А.И.** Политическая коммуникация выборных элит с населением посредством социальных медиа при принятии управленческих решений // Вопросы политологии. 2025. № 4.
5. **Жаде З.А.** Транспарентность власти в условиях нового глобального риска / З.А. Жаде, С.И. Имгрунт, П.С. Самыгин // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2020. № 2 (259).
6. **Калакутский А.В.** Информационные технологии и их роль в политическом управлении // Вопросы политологии. 2024. № 5.
7. **Комбарова Е.В.** Транспарентность органов публичной власти в условиях информационного общества России // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 12.
8. **Крюкова Е.В.** Двойственный характер использования интернет-технологий как инструмента взаимного контроля государства и общества // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2025. № 12.
9. **Муртазалиев А.М.** Информационная открытость органов государственной власти: перспективы и совершенствование развития законодательства / А.М. Муртазалиев, К.Т. Рагимханова // Государственная служба и кадры. 2024. № 1. DOI 10.24412/2312-0444-2024-1-89-91.
10. **Никитина А.С.** Цифровая трансформация и информационная открытость государства // Alma Mater (Вестник высшей школы). 2023. № 1. DOI 10.20339/AM.01-23.040.
11. **Орлова К.О.** Транспарентность органов публичной власти в современных условиях российской действительности / Государство и право в изменяющемся мире: 30 лет конституционного развития: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Нижний Новгород, 23 марта 2023 года. г. Нижний Новгород: ООО «Печатная Мастерская РАДОНЕЖ», 2023.
12. **Пороховский А.А.** Цифровизация и искусственный интеллект: перспективы и вызовы // Экономика. Налоги. Право. 2020. № 2.

13. **Поярков Р.А.** К вопросу о развитии цифровых компетенций государственных гражданских служащих Российской Федерации // Вопросы политологии. 2024. № 5.
14. **Романенко Е.А.** Транспарентность государственного управления как условие стабильности государства // Актуальные проблемы современности: наука и общество. 2014. № 3 (4).
15. **Саадулаева П.И.** Гражданский контроль формирования общественного мнения в политике на платформах интернет-СМИ // Вопросы политологии. 2024. № 8.
16. **Сулейманов Р.Р.** Транспарентность в деятельности региональных и федеральных органов государственной власти / Тенденции и закономерности развития современного российского общества: экономика, политика, социально-культурная и правовая сферы: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Чистополь, 20 апреля 2017 года. Чистополь: Издательство «Познание», 2017.
17. **Тесаловская В.Е.** Методики мониторинга и оценки транспарентности, используемые в Российской Федерации // Современные научные исследования и разработки. 2018. № 10 (27).
18. **Туманян Г.В.** О зарубежных практиках вовлечения граждан в процессы принятия публичных решений законодательными органами власти // Вопросы политологии. 2025. № 3.
19. **Чертороев Д.А.** Взаимодействие органов исполнительной власти с обществом посредством сети Интернет: сравнение демократических и недемократических политических режимов // Вопросы политологии. 2024. № 2.
20. **Шкурина С.С.** Влияние информационно-коммуникационных технологий на современные общественно-политические процессы // Региональное и муниципальное управление: вопросы политики, экономики и права. 2025. № 2.
21. **Ярмоц Е.Н.** Информационная открытость в деятельности суда // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D. Экономические и юридические науки. 2015. № 14.
22. **Яценко А.С., Майстат М.А.** Влияние цифровизации на эффективность государственного управления: мировой опыт // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2025. № 1.

A.P. SLEPOV

Postgraduate student of the Department of Political Science and Ethnopolitics, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, South Russian Institute of Management, Rostov-on-Don, Russia

METHODOLOGICAL FOUNDATIONS FOR MEASURING THE TRANSPARENCY OF PUBLIC AUTHORITIES

Introduction. Modern public governance is developing at the intersection of two conjunctural trends – geopolitical turbulence and rapid digitalization. Under these conditions, the demand for accountability and trust in state institutions is growing, giving the category of transparency a practical managerial dimension. At the same time, its measurability remains methodologically underdefined: declarative approaches and averaged indices prevail, while the specific features of public authorities are insufficiently taken into account. This study addresses this gap by proposing a practice-oriented assessment model.

Purpose. To develop a conceptually and operationally coherent model of measurement tools for the transparency of public authorities, suitable for implementation at the level of ministries and other governmental bodies.

Materials and Methods. The methodological basis consists of an interdisciplinary analysis (political science, public law, public administration, sociology, digital government), problem-chronological and comparative approaches, as well as a three-level operationalization:

- structural-positional level – institutional mapping of responsibility;
- process-communication level – process audit of decision-making, budgeting, procurement, staffing, and feedback;
- result-feedback level – sociological measurement and analysis of citizen appeals, expert assessments, and reputational data.

Results. A «Conceptual Matrix of Public Authority Transparency» has been developed, establishing a closed loop: institutional embedding → procedural implementation → social effect. The author presents a critique of formalistic «openness» practices and averaged indices that fail to identify points of opacity. Arguments are offered in favor of targeted assessment by positions, processes, and outcomes rather than aggregated «average temperature» indicators. The author's vision is demonstrated: the key empirical indicator is the body of citizen appeals in combination with process auditing and institutional mapping.

Conclusions. The article proves that transparency is measurable provided that structural responsibility, procedural openness, and public perception are simultaneously operationalized. The proposed model eliminates the anonymity of responsibility, localizes procedural bottlenecks, and transforms transparency from a declarative value into a manageable indicator of governance quality.

Key words: transparency, public governance, measurement tools, process audit, institutional mapping, feedback, open data, accountability, digitalization, citizen trust.